

По официальным данным 1797-1800 гг., хоринские и баргузинские буряты «имеют хлебопашество, не малое скотоводство, звериный промысел, как-то: соболей, лисиц и белок». О селенгинских и кударинских бурятах там сказано, что некоторые из них ясачную недоимку «и от хлебопашества заплатить могут и что вообще забайкальские буряты принялись за хлебопашество» [9, 112].

Однако в конце XVIII века Забайкалье заметно отставало по развитию хлебопашества от Приангарья. По губернаторскому отчету 1745 г. в Иркутском уезде считалось 25 227 «пахотных душ», засевалось 51 891 десятина. На одного земледельца приходилось по 2,0 десятины. В Верхнеудинском – 3 831 душа засекала 11 609 десятин. На одного земледельца приходилось по 3,0 десятины. Иркутская деревня в тот год получила 270 105 четвертей хлеба (10,7 четвертей на земледельца; 5,2 четверти на десятину), а верхнеудинская – всего 5 647 четвертей (1,5 четверти на земледельца; 0,5 четверти на десятину) [5, 33].

Необходимо отметить, что забайкальские буряты земельные участки для пахоты и посева осваивали, как правило, захватным способом, который существовал в XVIII и XIX вв. Никакого официального выделения участков для земледелия не производилось ни властями, ни обществами граждан, так как не было острого недостатка в земле, тем более возделывались в основном небольшие площади. Однако для сохранности урожая требовалось огораживание участков от поедания скотом. Эта работа требовала немало усилий, как для заготовки лесоматериала, так и для самого огораживания, поэтому она была не посильна для большинства хозяйств, особенно бедного и даже среднего достатка.

Таким образом, в конце XVIII в. в Забайкалье, в том числе буряты, по существу делали только первые трудные, не всегда удачные шаги по развитию хлебопашества.

Литература

1. История Бурят-Монгольской АССР. Т.1. Изд. 2-е. Улан-Удэ, 1954.
2. Шунков В.И. К истории земледелия Бурятии // Записки Бурятского научно-исследовательского института культуры. – Улан-Удэ, 1958.
3. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Вып. 1; сост. Г.Н. Румянцевым и С.Б. Окунь. – Улан-Удэ, 1960.
4. Окладников А.П. Очерки из истории земледелия бурят-монголов. – Л., 1937.
5. Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII и первой половине XIX века. – М., 1970.
6. РГИА. Ф.1285, оп.3, д. 256, л.6-7.
7. РГИА. Ф.1285, оп.3, д.256, л.7 об.
8. РГИА. Ф.1285, оп.3, д.256, л.6 об.
9. Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа (от XVII в. до 60-х годов XIX в.). Очерки. – М.-Л., 1940.

Батуева Ирина Батовна, доктор исторических наук, профессор, декан Гуманитарно-культурологического факультета Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 670031 г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1.

E-mail: i.batueva@mail.ru

Batueva Irina Batoevna, doctor of historical sciences, professor, Dean of Arts and Culturology faculty, East-Siberian State Academy of Culture and Arts. Ulan-Ude, Tereshkova str. 1, 670031. E-mail: i.batueva@mail.ru

УДК 94 (=512.31)

М.Н. Балдано

Соотечественники за рубежом: буряты в Монголии и Китае

В статье рассматриваются факторы, вытолкнувшие мигрантов из Забайкалья в Монголию и Китай, отношение жителей Бурятии к зарубежным соотечественникам и возможности их возвращения на родину.

Ключевые слова: соотечественники, государственная политика, эмиграция, этничность, самосознание, диаспора.

M.N. Baldano

Compatriots abroad: the Buryats in Mongolia and China

The article considers the factors that pushed out migrants from Transbaikalia to Mongolia and China, the relation of the population of Buryatia to foreign compatriots and the possibility of their coming back to the historical native land.

Keywords: compatriots, state policy, emigration, ethnicity, self-consciousness, diaspora.

В российском законодательстве понятие «соотечественник» трактуется предельно широко. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 24.05.1999. №99-93 «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом», под понятием «соотечественники за рубежом» подразумеваются не только граждане России за пределами РФ, но и эмигранты из России и СССР, утратив-

шие российское гражданство, а также все граждане СССР, проживающие за пределами России. По закону соотечественниками являются и потомки лиц, принадлежащих к вышеуказанным группам, за исключением потомков лиц титульных наций иностранных государств. На практике это означает, что соотечественниками Россия признает выходцев из советских республик и их потомков, если они переехали в другие государства.

Бурятская эмиграция в Монголию – важная часть истории бурятского народа. Буряты, основой хозяйства которых было кочевое скотоводство, не только уходили на территорию Монголии со скотом во время сезонных перекочевок, но и мигрировали во времена присоединения региона к России. Но формирование основного бурятского этнического анклава в Монголии произошло в результате массового переселения в конце XIX – первой трети XX в.

Согласно официальным данным Всесоюзной переписи населения Монголии 2000 г., число бурят составляет 40 620 чел., т.е. 1,7% общего числа населения Монголии. Буряты представляют пятую по численности этническую группу (ястан) после халха, казахов, дэрбэт, баятов. Буряты в Монголии живут в основном в следующих аймаках: Дорнодском (сомоны Баян Уул, Баяндун, Дашбалбар, Цагаан Обоо), Хэнтэйском (сомоны Батширээт, Биндэр, Дадал, Норовлин, Баян-Адарга), Булганском (сомон Тэшиг), Селенгинском (сомоны Ероо, Худэр, Шаамар, район Алтанбулага), Центральном (сомон Монгонмор), Хубсугульском (сомон Цагаан-нуур). Около 10 тыс. бурят живут в Улан-Баторе. По материалам периодических изданий и научных трудов, численность бурят в Монголии варьирует от 30 до 100 тыс. чел.

В 1920–1930-е гг. буряты играли чрезвычайно важную роль в жизни Монголии. Трудно переоценить степень их политического влияния во внутригосударственных делах Монгольской Народной Республики и в системе межгосударственных отношений Монголии и России.

В конце XIX – начале XX в. Бурятия вступила на путь модернизации (в этнокультурном понимании этого слова). Важнейшей составной частью этого процесса стало формирование первого поколения европейски образованной бурятской интеллигенции. Этот немногочисленный, но чрезвычайно активный слой населения, обладающий большим интеллектуальным потенциалом, внес огромный вклад в создание основ современной культуры и формирование общественного сознания бурятского общества. Его яркие представители, такие как Ц. Жамцарано, Э.-Д. Ринчино, Э. Батухан, Б. Ишидоржин, сыграли важную роль в становлении нового монгольского государства: демократизации органов государственного управления, преодолении последствий разрухи, реформировании экономических отношений, развитии образования, внедрении европейской медицины, создании Ученого комитета – первого научно-исследовательского учреждения. По существу они были носителями «модерна». С их непосредственным участием вполне определенно наметился ряд прогрессивных тенденций в монгольском обществе. Буряты всегда были в центре пристального внимания.

В 1922 г. в Урге группой бурятской интеллигенции был образован Бурят-монгольский комитет по делам бурят в Монголии. Благодаря работе комиссий Комитета, Народное правительство Монголии провело мероприятия по обустройству беженцев. Они также были освобождены от государственной и аймачной подати сроком на три года. Для них были выделены особые сомоны.

К 1934 г. в Монголии проживало 35 тыс. бурят. В 1930-е гг. более трети из них подверглись репрессиям, большинство которых было казнено. В этот период в рядах МНРП продолжалось противостояние между «правыми» и «левыми». Кредо «правых» – укрепление государственности, обеспечение полного государственного суверенитета, лояльное отношение к религии, расширение международных связей. Не выступая открыто против «некапиталистического пути», национальные демократы стремились выработать свое толкование, свое понимание путей социально-экономического развития Монголии. Они стояли за последовательные прогрессивные реформы (с применением «мягких» методов), за поощрение индивидуальных хозяйств, сохранение животноводческой специализации экономики, стремились максимально сохранить национальную специфику и самобытность. А «левое» крыло – «худонцы», «новые», «молодые» – пытались вытеснить старое чиновничество из государственного и партийного аппарата. Их сила была в поддержке коминтерновских работников, которые видели в усилении этой группы гарантию против «правой» опасности. Именно в этот период произошла смена политической элиты, старая была вычищена физически.

Наделение бурятской этничности политическим контекстом (отождествление бурят с политическими врагами) в 1930-х гг. привело к фиксации в социальной памяти бурят Монголии отсылки ко времени репрессий, когда быть бурятом стало жизненно опасно. Личностная идентификация и ход

собственной жизни стали просчитываться через конкретные события арестов, судов и приговоров за «шпионаж и контрреволюционную деятельность», затронувшие практически каждую бурятскую семью. По данным Музея политических репрессий, в г. Улан-Баторе к смертной казни было приговорено большинство мужчин-бурят, часто были случаи ареста и истребления целых семей. Из-за страха перед преследованием в среде бурят наметилась тенденция сокрытия своей этнической принадлежности, прежде всего через отказ от таких маркеров культурной отличительности, как одежда и язык: они перестали носить традиционную одежду и употреблять бурятский язык в общественных местах. Монгольский исследователь Р. Рэгэндорж отмечает, что «истребление большинства мужчин вызвало значительный рост смешанных браков, в частности, халхаско-бурятских, что привело к ускорению темпов ассимиляции» [1, 17].

Игнорировать присутствие бурят как отдельной этнической группы в социалистической Монголии не могли, поскольку в СССР как этнофедеративном государстве они обладали реальным и символическим статусом в качестве титульной нации и реализовали право на национальную автономию. Поэтому буряты при всех переписях населения Монголии непременно включались в «список народов». Многие буряты хотели стать халхами. Материалы, собранные У. Булагом во время проведения полевых исследований в 1991–1992 гг. в Хэнтэйском, Дорнодском аймаках и г. Улан-Баторе, позволили сделать вывод о том, что желание стать халха более очевидно наблюдается во втором поколении [2, 35-36].

Анализ характера взаимоотношений между разными территориальными группами бурят Монголии подтверждает факт сохранения значимости субэтнической принадлежности. Их административно-территориальная организация до настоящего времени сохраняет и воспроизводит родо-племенную структуру бурятского общества, например: Хэнтэйский аймак в основном населяют хори буряты (роды: цагаан, галзууд, бодонгууд, шарайд, хальбин, батнай, худай, гучид, хубдууд, харгана, хуацай, баатад, баргужин, гахан, олхонуд, хурлаш, чонод, хар намяд, шарнууд, шээжин); в Селенгинском аймаке доминируют селенгинские буряты (роды: абгад, атаган-цонгол, ачабгад, ашибагад, баатад, баруун абга, батнай, бодонгууд, булган-харнууд, гучид, юншээбуу, урлууд, узон, олед, поонхон, хамниган, хангад, хар намяд, хатагин, хирид, шарнууд, чонос); в Дорнодском аймаке большинство составляют агинские буряты (роды: цагаан, галзууд, бодонгууд, шарайд, хальбин, худай, гучид, батнай, харгана, шонос, буурал, абзай, хурамша, олзон, бахи); в Хубсугульском, Булганском аймаках проживают представители племен хонгодор и булагат (роды: тэртэ, шошоолог, хурхууд, долоод, урянхан, хавхчин, хонгодор, хурхад, уляад, тараач, мормонтогууд, галзууд) [3, 1-6; 4, 63-66].

Материалы полевых исследований автора, проведенных в 2007-2009 гг., подтверждают, что контакты между этими группами довольно редки. Здесь нельзя не согласиться с польским исследователем З. Шмытом: «Слабое сотрудничество между разными группами бурят в Монголии и гораздо большее значение родовых и территориальных контактов может указывать на незавершенность процесса этнической консолидации бурят в Монголии. Нельзя забывать, что изоляция отдельных бурятских групп, рассеяние в монгольской среде и годы репрессий не способствовали таким процессам. Родственные и территориально-родовые связи составляют на сегодняшний день эффективную форму групповой организации, направленной на достижение определенных экономических, политических и социальных целей» [5, 84].

Повторюсь, что буряты переселились в Монголию в основной своей массе в первой трети XX в., когда родоплеменная организация бурятского общества выступала основой групповой солидарности. Дальнейшее их этническое развитие определялось стратегией социально-политического развития страны проживания. Национальная политика страны исхода (СССР) и страны проживания (МНР) в силу единства идеологических установок преследовала одну цель – формирование единого интегрированного народа: в одном случае – советского народа, в другом – монгольской нации.

Теоретически казалось бы, что буряты Монголии и СССР должны пройти одинаковый путь этнического становления. Однако если в СССР этносоциальная структура населения носила сложный иерархический характер в силу признания советских этнонаций, в ряду которых значилась и бурятская нация, то в Монголии, которая является специфически многоэтничным государством, поскольку большинство населяющих ее этнических групп находятся в языковом и культурном родстве с халхасцами, концепт этнонаций с их правом на самоопределение не был востребован, и потому буряты Монголии в отличие от своих соплеменников в СССР не были включены в бурятский национальный дискурс. Последнее не способствовало формированию особого этнолокального самосознания монгольских бурят и росту этнической сплоченности. Вероятно, именно поэтому родоплеменные, терри-

ториальные связи продолжают выполнять насущную потребность в преемственности, оставаясь в социальной памяти основным звеном в цепочке представлений об образе прошлого. С изменением социальной среды эти связи не утрачивают функционального содержания.

Что касается российских бурят, то можно констатировать, что с их стороны не было и нет напряженно пристального внимания к монгольским бурятам. Контакты постоянно поддерживались и поддерживаются. В повседневной стратегии монгольские буряты, компактно проживая на приграничной территории, больше ориентированы на контакты с родственниками по другую сторону границы, чем на местные внутрибурятские отношения, а администрации аймаков с бурятскими сомонами устанавливают дружественные связи с родственными районами в Бурятии. Бурятское население Хубсугульского, Булганского, Селенгинского аймаков не проявляет широкой инициативы, направленной на интеграцию с хоринскими и агинскими бурятами Хэнтэйского и Дорнодского аймаков, а ограничивается делегациями на фестиваль «Алтаргана». Внутренняя культурная вариативность и деление на несколько групп – реальность бурятской диаспоры в Монголии.

С 1993 г. в Монголии действует бурятская организация «Фонд по развитию бурятской культуры и традиций» [6]. Его деятельность внесла заметный вклад в возрождение бурятского языка, традиций и обычаев, установление культурных связей между бурятами разных стран и регионов России. Инициативный фонд в 1994 г. фестиваль «Алтаргана» перерос региональные рамки и стал одним из главных «новых» праздников общепурятского масштаба, который проводится один раз в два года.

В идеологическом концепте 1990-х гг. дискурс бурят в Монголии, можно сказать, отсутствовал, если не считать попытку БМНП выдвинуть лозунг объединения монгольской историко-культурной общности. В случае с бурятами Монголии не было новизны, как и с шэнэхэнскими бурятами. Как известно, зачатки формирования бурятской диаспоры в Китае относятся ко второму десятилетию XX в. Как известно, причины миграции бурят в Шэнэхэн, так же как и в Монголию, были тесно связаны с политическими волнениями, репрессиями и экономическими трудностями на родине.

Факторы, выталкивавшие мигрантов из Забайкалья, появились еще перед революцией. Модернизация Российской империи, позитивная в глобальной перспективе, прибавила забайкальским инородцам ряд проблем. Ликвидация степных дум и реорганизация прав владения землей, а также колонизация Восточной Сибири крестьянами из западной части империи ухудшила экономические условия проживания бурят и эвенков. Они оказались лишены значительной части имевшихся на тот момент пастбищ в пользу новых поселенцев. Агинские буряты были вынуждены арендовать землю у казаков. Также ситуацию обострили дополнительные налоговые сборы и мобилизация в ряды вспомогательной службы во время первой мировой войны. Революция, интервенция и гражданская война усилили миграционные тенденции на приграничных территориях. Китайскими властями были выделены выморочные земли в местности Шэнэхэн, где буряты осели и сформировали замкнутую структурированную общину.

До конца 1980-х гг. контактов шэнэхэнских бурят с их советскими побратимами практически не было. На тот момент приграничный режим между Россией и Китаем не позволял свободно перемещаться обычным гражданам обоих государств. Советский режим трактовал шэнэхэнских бурят как бандитов, контрреволюционеров, сотрудничавших во время войны с японцами. Недостаток контактов с обществом страны происхождения привел к тому, что диаспора развивалась независимо. Буряты, вместе с оставшимися этническими группами, жившими во Внутренней Монголии, участвовали в экономических и социально-культурных переменах, генерированных коммунистическими властями КНР.

Идея возвращения на родину была сильным фактором, интегрирующим группу и (по крайней мере, в трех первых поколениях мигрантов) детерминирующим консервативную модель культурной передачи между поколениями. Реализация этой идеи стала возможной лишь в 1990-х гг. В 1993 г. около 300 шэнэхэнских бурят переселились в Бурятию и на территорию бывшего Агинского Бурятского автономного округа. Но это не была официальная, организованная властями репатриация, а собственная инициатива шэнэхэнцев.

Шэнэхэнские буряты заняли три профессиональные ниши: скотоводство, приграничная торговля и трансферт рабочей силы, а также традиционная бурятская кухня. В сельских районах шэнэхэнские буряты занимаются в основном скотоводством. Большая часть шэнэхэнцев связана с локальным торговым обменом между Россией и Китаем.

Власти республики также проявили большой интерес к соотечественникам, проживавшим в Китае. Кроме того, это был хороший повод для налаживания рабочих контактов с властями приграничных

китайских провинций, для ведения повышающей статус активной внешнеполитической деятельности. В «Концепции государственной национальной политики Республики Бурятия» (1997 г.) было записано:

«Деятельность за пределами Бурятии:

- помощь и поддержка выходцам из Бурятии, проживающим в других регионах России, государствах СНГ и дальнем зарубежье;

- заключение межправительственных договоров с Монголией и Автономным районом Внутренняя Монголия КНР о культурном и экономическом сотрудничестве;

- поддержка общественных национально-культурных объединений бурятской диаспоры и выходцев из Республики Бурятия в различных регионах России, дальнем и ближнем зарубежье в их деятельности по удовлетворению национально-культурных запросов, сохранению и развитию родного языка, национальных традиций, укреплению связей с Бурятией».

Первым репатриантам была оказана помощь в оформлении вида на жительство, трудоустройстве и получении временного жилья со стороны Всебурятской ассоциации развития культуры, руководства Бурятского государственного университета, Бурятской государственной сельскохозяйственной академии и сельскохозяйственного лицея, были выделены квоты для обучения их детей. Но республиканские власти не смогли сделать главного – оказать реальную помощь в получении российского гражданства. Это, впрочем, и сегодня остается проблемой «номер один».

Интенсивные вначале усилия в этом направлении сменились осуществлением рутинных бюрократических процедур. Договоры и соглашения, заключенные между правительствами Внутренней Монголии и Бурятии, не затрагивали проблемы возвращения шэнэхэнских бурят. Однако в последние два года проблема вновь актуализировалась. «Бурятия станет пилотным регионом, – говорит министр экономики РБ Татьяна Думнова, – наша программа согласована в 13 федеральных структурах и выйдет в качестве распоряжения правительства Российской Федерации. В настоящее время плотность населения в республике составляет 2,8 человека на 1 км², существует значительное количество неиспользуемых земель. Предоставление таких земельных участков переселяющимся соотечественникам позволило бы обеспечить занятость и сохранить качество земельного фонда. Этот вариант более приемлем для выходцев из Бурятии, проживающих ныне в Китае и Монголии» [7].

Проводимые опросы показывают, что в массовом сознании жителей Бурятии широко распространено убеждение, что соотечественников надо поддерживать. Но, несмотря на продолжающийся устойчивый интерес СМИ к соотечественникам в Монголии и Китае, существует некая размытость образа соотечественников. Кроме того, в их отношении распространено два устойчивых мнения. Первое касается необходимости поддерживать соотечественников. Второе, что укрепилось в последние годы, связано с представлением о том, что за счет привлечения соотечественников можно решить проблему сокращения населения региона и развития малозаселенных территорий, где ощущается острая нехватка рабочих рук. Складывается впечатление, что мало кого волнуют пристрастия самих репатриантов и вряд ли кто проводит параллели с казахскими оралманами.

Литература

1. Рэгэндорж Р. Монголын буриад ардын амьдралын зарим асуудал (Некоторые вопросы образа жизни бурятского народа Монголии). – Улаанбаатар, 2003.
2. Uradyn E. Bulag. Nationalism and Hybridity in Mongolia. – New York, Oxford University Press, 1998.
3. Очир А., Сэржээ Ж. Хэнтий аймгийнхны овгийн товч лавлах, овог, угийн бичиг сэргээх зовломж. – Улаанбаатар, 1993.
4. Оюунтунгалаг А. Монгол улсын буриадууд. – Улаанбаатар, 2004.
5. Шмыг З. Бурятская диаспора в Монголии. Вопрос идентичности // Диаспоры в современном мире: материалы международного круглого стола. – Улан-Удэ, 2007.
6. Билэгсайхан С. Буряты – мост между Монголией, Бурятией и Китаем // Угай зам (Путь предков). – 2008. – Спец. вып. № 22.
7. Шэнэхэнские буряты получили шанс на возвращение на историческую родину // Информполис. – 2011. – 31 мар.

Балдано Марина Намжилловна, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Почтовый адрес: 670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, тел. (3012)434097; факс (3012)433551; e-mail: histmar@mail.ru

Baldano Marina Namzhilovna, doctor of historical sciences, professor, the head of the department of history, ethnology and sociology, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS. Address: Ulan-Ude, 6 Sakhyanova str., 670047. tel. (3012)434097; fax (3012)433551; e-mail: histmar@mail.ru